

Секция 1

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПАРТНЕРСТВО И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

20–21 мая 2016 г. Конференц-зал гостиницы “Radisson Royal”

Руководители секции:

Г. М. ГАТИЛОВ	заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
С. Ю. ГЛАЗЬБЕВ	академик РАН, доктор экономических наук, профессор, советник Президента РФ В. В. Путина
Ал. А. ГРОМЬКО	директор Института Европы РАН, доктор политических наук, профессор
М. А. МОРАТИНОС	министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП
А. МУСА	генеральный секретарь Лиги арабских государств (2001–2011), министр иностранных дел Египта (1991–2001)
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

ДОКЛАДЫ

Халил Акинчи¹

НАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ: ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО

В Википедии национализм определяется как ощущение группы людей, проживающей в одном географическом и иногда демографически однородном регионе и стремящейся к независимости своей культуры и(или) этноса. Согласно тому же источнику, глобализация является процессом международной интеграции, возникающей на основе взаимного обмена товарами, идеями, взглядами на мир и другими составляющими культуры.

Ознакомившись с данными упрощенными определениями, мы должны изучить, как эти процессы развивались в историческом контексте.

Формирование национальных государств — относительно новое историческое явление. Как правило, государства создавали и возглавляли династии. Государства даже получали свои названия по фамилиям династий. До Вестфальского мира (1648) страны рассматривались как личные владения их монархов. Вестфалия положила этому конец и ввела в международные отношения понятие суверенного национального государства. Однако Французская революция добавила новое значение: это государства, основанные на нациях/национализме. Нация понималась как образование, сплоченное за счет объединения похожих с точки зрения религии и культуры, хотя иногда и разных, групп, где до-

минировал один официальный язык/этническая группа на определенной территории. Такие государства обычно представляли собой единое экономическое пространство, взаимодействующее с соседями в границах, определяемых их суверенной правовой системой. Государственный аппарат носил инструментальный характер, сохраняя единство таких образований, задавая правила работы внутренних дополнительных экономик, которые также являлись основополагающими для поддержания и продолжения их существования.

Глобализация, представляемая как новое явление конца XX — начала XXI века, была широко распространена в мире до Первой мировой войны. В то время она включала свободную торговлю, свободное движение факторов производства (в теории оно охватывает и трудовые ресурсы, которые, однако, на практике в большинстве случаев не обладали свободой перемещения), но материализовалась в виде зависимости экономик мира от европейских экономических систем, а в конце XIX — начале XX века — и от американской экономики².

Европа, начиная с эпохи Великих географических открытий и последующего развития судоходных технологий, начала доминировать в мировой торговле. Международная торговля между Азией и Европой концентрировалась в Средиземном и Черном морях и нахо-

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Турецкой Республики в РФ (2008–2010). Старший научный сотрудник, председатель Совета по вопросам стратегии и политики Хазарского стратегического института.

² Здесь я в основном ссылаюсь на опыт Британии, так как именно британцы усовершенствовали систему колониальной империи.

дилась под контролем итальянских торговых портов, таких как Генуя и Венеция. В итоге она постепенно сошла на нет и на смену ей пришла океанская торговля, которую в основном контролировали Англия и Голландия. Франция и другие европейские страны присоединились позднее. Начиная с XVI века торговля развивалась в тесной связи с колониализмом.

В отличие от государственных/организованных испанских завоеваний в Южной и Северной Америке с целью поиска сокровищ во вновь открытых землях, английские, голландские и позднее французские завоевания начались с деятельности частных компаний, которая сопровождалась поселениями белых, особенно в малонаселенных и слабо защищенных местах, таких как Америка, а позднее Австралия и Новая Зеландия¹. Эти коммерческие компании, законность которых подтверждалась уставами, выпущенными соответствующими правительствами, действовали подобно государствам и имели собственные армии и дипломатических представителей. (Зарплаты первым послам Великобритании в Стамбуле и Дели выплачивались компаниями Levant и East India соответственно.) Суверенность данных государств в отношении земель, контролируемых компаниями, была установлена позднее. Индия официально стала частью Британской империи после восстания 1857 года.

В XVI веке пришло осознание, что, в отличие от подхода классических империй, помимо военной власти есть другие инструменты для установления господства.

Европейские колониальные государства, сохраняя барьеры в виде таможенных пошлин и экспортных сборов при пересечении границы товарами от традиционных экспортеров, например Индии (текстиль), могли свободно диктовать свои условия торговли за счет компаний, созданных на основании королевского указа. Постепенно, благодаря нескольким инструментам, разработанным этими государствами, остальная часть мировой экономики стала зависеть от них. Например, «Лондонский вексель»², выпущенный Сити, значительно продвинул торговлю. Так как Сити гарантировал оплату, британские торговцы, для которых в основном и был выпущен данный вексель, получили привилегии по сравнению с другими. Поэтому Европа, которая обладала экономическим превосходством и устанавливала правила торговли, закономерно считала себя центром мира (даже карты мира рисовались в такой проекции, чтобы это показать) и стала диктовать свою политическую волю на международной арене. Начав с контроля над экономикой, европейцы постепенно брали на себя фактическое управление странами.

Правила устанавливались доминирующими силами. Новая концепция международного права работала

на интересы Европы и гарантировала их. Европейцы даже установили трехмильный предел для территориальных вод, чтобы британский флот мог свободно перемещаться по морю, служа инструментом навязывания воли Британии, при необходимости с использованием военной силы.

Венский конгресс, созванный после поражения Наполеона/Франции, декларировал объединение Европы с целью сокращения межгосударственных конфликтов. После этого конгресса большая часть стран мира превратилась в колонии, которые производили продукцию для промышленности стран Европы и в то же время выступали рынками для изготовленных в ней товаров. Исключением в течение большей части XIX века были колонии белых/доминионы Британии, такие как Австралия, Новая Зеландия и Канада, а также бывшая колония Соединенные Штаты Америки. Подчинение «независимых» стран европейским властям гарантировало законность таких неравных условий и дополняло их экономическое превосходство в XIX веке. Иначе говоря, теоретическая независимость/автономность многих стран сводилась на нет из-за экономических и правовых ограничений, которые на них налагались.

Традиционные государства Евразии и Африки, такие как Османская империя, Иран, Китай, Индия, Марокко, постепенно превращались в полные колонии или полукolonии, особенно в XIX веке. Основными характеристиками данного периода стали политическое и экономическое превосходство Европы и колонизация Азии и Африки.

Большинство национальных государств, присутствующих сегодня в Европе и на Ближнем Востоке, появились в результате распада традиционных империй, в частности Османской и Австро-Венгерской, после Первой мировой войны. В то время как после распада Австро-Венгерской империи возникло несколько суверенных национальных государств, после падения Османов государства просто поменяли хозяев, став полными колониями или полукolonиями, и продолжили занимать невыгодные политические и экономические позиции. Например, Египет, несмотря на британскую протекцию, смог отказаться от подчиненного положения только после Второй мировой войны, через двадцать с лишним лет после Турции, которая была единственным государством, получившим полную независимость после распада Османской империи. Другая империя, Российская, которая никогда никому не подчинялась и была одной из основных европейских сил, несмотря на территориальные потери, осталась в основном неизменной, несмотря на новый режим, и сохранила свои позиции в качестве основной мировой силы.

Ни в одном из новых государств, ставших отчасти наследниками многонациональных империй, население не было этнически однородным и включало несколько этнических групп. До Второй мировой войны около 30 % европейского населения состояло из этнических меньшинств, проживающих на территориях других, титульных наций. Многие историки рассматривают это в качестве одной из причин Второй мировой войны. Между двумя великими войнами XX века эт-

¹ Экспансия России в Сибирь происходила одновременно с началом работы данных компаний. Однако, хотя оба явления подразумевали перемещение населения, они не были сопоставимыми. Поселения белых на Западе были в основном организованы частными компаниями, в то время как сибирские поселения стали результатом обустройства там отдельных крестьян, охотников, авантюристов и лиц, имеющих те или иные причины сбежать от непосредственного контроля центрального правительства.

² Те, кто получал «Лондонский вексель», могли обналечить его в Лондоне в виде любой мировой валюты или обменять на партию товаров.

ническая принадлежность считалась важнее гражданства. Связь человека с государством в качестве гражданина ослаблялась и рассматривалась как необязательная, хотя и была единственной закреплённой законодательно.

Кризис мировой экономики в 1929 году и ее медленное возрождение укрепили националистические настроения титульных наций и привели к порабощению других этносов, составлявших государство. Вина за бедность и лишения возлагалась на эти этнические группы, несмотря на их вклад в развитие государства, в котором они живут, и их преданность ему. Расизм потопил патриотизм с печальными последствиями для человечества.

Между двумя мировыми войнами «глобализация до Первой мировой войны» была забыта. Государства, которые становились более националистическими, проводили протекционистскую экономическую политику. Изыскивались средства преодоления слабости мировой экономической системы, которая так явно проявилась во время кризиса 1929 года. Государственное вмешательство даже в самых капиталистических из капиталистических стран рассматривалось как средство защиты. В качестве примера, наверное, можно привести «социалистическую экономическую систему», которая впервые в мировой истории была внедрена в Советском Союзе. Глобализацию положили на полку до последнего десятилетия XX века — почти на сто лет.

Вторая мировая война просигнализировала о закате колониальных империй. Движения за независимость набирали силу. Во Вьетнаме уже во время войны шли приготовления к восстанию против Франции. Индии была обещана независимость. После войны можно было наблюдать ухудшение положения в таких странах, как, например, Франция и Британия, и развитие Соединенных Штатов Америки и Советского Союза в качестве двух доминирующих мировых держав. США взяли на себя роль основной западной и в каком-то смысле колониальной силы, ранее принадлежавшую Британии, хотя колоний в классическом понимании у них не было. Поддержку Соединенными Штатами колониальных сил Британии и Франции после Второй мировой войны в борьбе с движениями за независимость нельзя объяснить исключительно стремлением воспрепятствовать распространению коммунизма. На том этапе Советский Союз выступал в качестве модели и надежды для африканских и азиатских колоний.

Процесс деколонизации достиг пика в 1950-х — начале 1960-х. Однако деколонизация не обеспечивала суверенность и экономическую самостоятельность бывших колоний. Сохранялась их функция в качестве производителей товаров на условиях торговли, диктуемых их бывшими хозяевами. Помощь, предлагаемая Советским Союзом так называемому третьему миру, не была достаточной, чтобы гарантировать их суверенность и экономическую независимость. Кроме того, в Африке начались гражданские войны. Бывшие хозяева в своих интересах подстрекали различные племена, чья идентичность подавлялась колониальными правителями, к требованию признания их этносов. Пример — граж-

данская война в бельгийских Конго и Нигерии, вспыхнувшая сразу после обретения «независимости».

В конце Второй мировой войны начали создаваться новые институты для регулирования мировой экономики, такие как МВФ и Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ). Задачей было подготовиться и устранить экономические и финансовые проблемы, которые могли возникнуть в отдельных странах, и регулировать международную торговлю, чтобы сделать ее более либеральной. Еще до появления этих институтов была учреждена Организация Объединенных Наций, состоявшая из наций, которые фактически противостояли странам нацистского блока или требовали заменить Лигу Наций другим институтом. Важной структурой ООН стал Совет Безопасности, в который вошли победители во Второй мировой войне.

Все эти институты свидетельствовали о новом подходе к наднациональному порядку, вводя правила, которые были одинаково действительны и обязательны для каждого государства.

Кроме того, предполагалось, что победители будут обеспечивать стабильность и предотвращать войны — в противоположность Венской системе, принятой после победы над Наполеоном. Эта новая система предотвращала войны между членами Совета Безопасности, но не смогла предотвратить опосредованные войны и участие членов Совета Безопасности в войнах с третьими странами, как и ее предшественница — «объединение Европы». Трудно отрицать роль таких опосредованных войн и войн с третьими странами в поддержке терроризма и усилении негосударственных игроков в международных отношениях.

Когда воспоминания о мировом экономическом кризисе и кровопролитных войнах несколько поблекли, начался новый этап глобализации в благоприятных политических условиях. В конце XX века политическая обстановка во многом напоминала условия конца XIX века, до Первой мировой войны. Однако новая волна отличается от прошлой множеством аспектов.

Следует взглянуть на характеристики современной глобализации с этой точки зрения. В то время как первая фаза глобализации (XVI–XIX вв.) концентрировалась на свободной торговле, где правила и условия диктовались Европой, и политическом контроле, глобализация XXI века является всеобъемлющей, хотя экономически обоснованной и обусловленной теми же условиями, что и первый этап. Она направлена на регулирование всех аспектов жизни человека: политической системы, экономики, культуры, идентичности. Данная фаза глобализации — комплексная, она включает свободную рыночную экономику, институт частной собственности и демократию. Она поддерживается экономической мощью Соединенных Штатов Америки, дополняющей их политическую и военную силу. Кроме того, США являются родиной механизмов, которые помогают контролировать потоки и даже содержание информации впервые в мировой истории.

Кроме того, английский язык с культурной и прагматической точки зрения стал настолько доминирующим, что изучается в качестве первого иностранного языка в высших учебных заведениях по всему миру.

Более того, почти в каждой стране есть университеты с преподаванием на английском.

Мир наводнен голливудскими фильмами. Даже мода разрабатывается в Америке. Очень трудно защитить национальную культуру от натиска англоговорящего мира. Это новое явление в глобализации. Еще никогда у государства/нации не было настолько влиятельной экономики, культуры и информационных технологий одновременно.

Когда мы обсуждаем перспективы нации, национализма и глобализации, возникает ряд вопросов:

— Если мы признаем глобализацию, то должны ли нации продолжать свое существование в прежнем качестве, или их заменит новая структура, проходящая сквозь национальные границы?

— Является ли глобализация необходимой и неизбежной? Если да, то кому она полезна?

— Привела ли глобализация к экономии за счет роста масштабов производства товаров по более низкой стоимости и упрощенному распространению технологий?

— Способствовала ли она закону сравнительных преимуществ?

— Внесла ли она вклад в обеспечение и поддержание безопасности и стабильности?

— Способствовала ли она достижению социальной справедливости за счет справедливого распределения доходов?

— Создала ли она новые рабочие места для растущего количества безработных в мире?

— Почему все факторы производства свободно перемещаются, а трудовые ресурсы — нет?

— Не могло ли свободное перемещение трудовых ресурсов способствовать предотвращению кризиса беженцев?

Хотя глобализация подготовила основу для свободного обмена идеями и содействовала продвижению гражданских свобод и демократии, ответы на перечисленные вопросы вряд ли будут положительными. Правила, регулирующие глобализацию, составлены для укрепления господства крупных экономик мира. Между тем преимущества такого господства для благополучия остальной части мира весьма сомнительны. Блага в разных странах и социальных группах распределяются все более неравномерно, продолжает расти неравенство. Богатые становятся еще богаче, увеличился разрыв между Севером и Югом.

Таким образом, очевидно, что глобализация не предоставляет средства для защиты и продвижения интересов лиц, составляющих подавляющее большинство населения в мире. То же относится и к отдельным нациям. Мы также не можем сказать, что глобализация сделала мир более безопасным или стабильным. Хотя прямой связи между терроризмом и глобализацией нет, растущее количество террористических актов во всех уголках мира за последние годы — это факт. Поэтому мы можем утверждать, что глобализация как система не является достаточным условием для предотвращения терроризма.

Кроме того, современные информационные технологии позволяют бедной части человечества узнавать

об условиях жизни в богатых странах. Эта осведомленность стала одной из причин кризиса беженцев (мигрантов). Ограничения перемещения трудовых ресурсов только усугубили ситуацию.

Нации, стоящие во главе процесса глобализации, получают от нее наибольшую пользу, но при этом они не отказались от своей идентичности и продолжают говорить о национальном интересе как отличном от глобального интереса. Все еще трудно согласовать и сформулировать определенное решение глобальных вопросов, угрожающих будущему человечества, таких как изменение климата, выбросы углекислого газа, дефицит воды, несмотря на риторику о глобальной деревне/общей ответственности, так как национальные интересы все еще преобладают над глобальной ответственностью.

Выживания национализма в этих странах достаточно, чтобы способствовать возрождению национальной идентичности остальных стран в качестве защитного механизма.

Поскольку глобализация используется как инструмент продвижения национальных интересов некоторых стран и не приносит такую же пользу остальным, необходимо изыскать способы и средства противостояния превосходству тех наций, которые устанавливают правила защиты и продвижения своих интересов. Одним из инструментов достижения этой цели могло бы стать региональное сотрудничество. При этом тот, кто наблюдает за экономическими и коммерческими отношениями между евразийскими странами, сразу отметит, что их экстрарегиональная торговля существенно превосходит внутрирегиональную, несмотря на преимущества более низких транспортных расходов и взаимодополняемость. В некоторых странах это частично обусловлено недостатком спроса, но для большинства стран приходится искать другие объяснения. Коммерческая деятельность регулировалась правительственными решениями и директивами, которые не всегда основывались на экономических интересах Евразии. По сути, процессы принятия решений зависели от множества факторов, включая политические.

Эта традиция все еще преобладает в нашем регионе. Даже если государство открытым образом не налагает ограничения, бизнесмены внимательно относятся к инструкциям и отношению правительства, несмотря на право частной собственности, пришедшей на смену государственной. К сожалению, многие правительства по разным причинам продолжают руководить экономическими отношениями, определяя, что считать приемлемым или, напротив, недопустимым. СМИ все еще делают выводы на основе сигналов от властей и участвуют в гонке за формирование общественного мнения в том направлении, которое указывают или подразумевают властные структуры. Однако мы должны помнить, что в современном мире с беспрецедентными возможностями в области транспорта и коммуникаций торговые и экономические отношения могут легко сменить направление в ущерб заинтересованным сторонам, несмотря на преимущества региональной торговли.

Очевидно, что только двустороннее и региональное экономическое сотрудничество между соседними

странами может сдерживать давление крупных экономических сил. Такое сотрудничество надо налаживать, не позволяя политическим разногласиям препятствовать экономическим и коммерческим отношениям. Однако так не получается. Политические факторы все еще влияют на экономические отношения.

С другой стороны, между соседями неизбежны конфликты по тем или иным поводам. Поэтому мы долж-

ны в наших общих интересах найти способы разрешения политических разногласий, чтобы они не наносили ущерб долгосрочным отношениям. Поэтому межгосударственные конфликты не должны превращаться в конфликты между нациями и людьми, иначе они могут стать неуправляемыми и воспрепятствовать рождению сотрудничества и добрососедства, в которых мы все заинтересованы.